

Макаров Владимир Евсеевич

**К вопросу о причинах
разделения русской церкви**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Евсеевич М.**
К вопросу о причинах разделения русской церкви / Макаров Владимир Евсе-
евич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 116 с.

ISBN 978-5-519-94797-8

ISBN 978-5-519-94797-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

случаѣ народъ иногда подвергается опасности, а иногда и спасается, въ послѣднемъ же всегда находится въ опасности и увлекается въ пропасть“ ¹⁾. И самъ І. Христосъ, основатель церкви, повелѣлъ намъ слушать пастырей не безусловно, а ограничить послушаніе имъ тѣмъ, если они право учатъ и соблюдаютъ заповѣданный Имъ миръ и любовь; если же они учатъ ложно и не имѣютъ любви, то Онъ, предостерегая вѣрующихъ, „внемлите себе отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутри же суть волцы и хищницы“ ²⁾, даетъ такое наставленіе: „Аще око твое десное соблажняетъ тя, изми е и верзи отъ себе... уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ уды твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну огненную“ ³⁾. Св. Аѳанасій Великій, уясняя это изреченіе, говоритъ: „Идя путемъ не погрѣшительнымъ и живоноснымъ, исторгнемъ у себя соблажняющее око, но не чувственное, а мысленное. Такъ, напримѣръ, если епископъ, или пресвитеръ, какъ очи церкви, живутъ худо, и соблазняютъ народъ, то надлежитъ ихъ извергнуть. Ибо лучше безъ нихъ собираться въ молитвенный домъ, нежели съ ними, какъ съ Анною и Каіафою, ввергнуться въ геенну огненную“ ⁴⁾.

Согласно этому ученію и поступили старообрядцы: пока они были убѣждены, что пастыри проповѣдуютъ истину, согласно Христову ученію, и твердо хранятъ священное преданіе, не отдѣлялись отъ нихъ; но когда пастыри, благодаря подстрекательству греческихъ архіереевъ-милостынесобирателей и авантюристовъ, въ лицѣ Никона, начали ломку св. древности, воздвигнувъ на справедливый протестъ противъ этой безумной ломки страшныя гоненія, инквизицію, въ видѣ „тѣлесныхъ озлобленій“, создавъ для него и заклеивъ его безумными, чудовищными и отъ вѣка неслыханными клятвами, то этотъ вполне справедливый протестъ религіозно-національнаго самосознанія противъ пастырей, покусившихся подчинить его напскому гнету сторонняго и чуждаго авторитета—протестъ во имя духовной свободы, имѣлъ полное право отдѣлиться отъ пастырей, которое, вопреки наставленію апостола, „угашая духъ“ и возводя свою „букву“ въ непрекращае-

¹⁾ Іоан. Злат. бесѣд. 34 на посл. евр.

²⁾ Матѣ. 7, 15.

³⁾ Матѣ. 5, 30—30.

⁴⁾ Часть 4, стр. 479. Никон. черн. гор. сл. 7 л. 48.

мый догматъ, съ сознаниемъ своей непогрѣшимости, безразсудно проклинали и отлучали отъ Святой Троицы тѣхъ изъ православныхъ христіанъ, которые не принимали ихъ „буквы“.

Въ русской православной церкви, со времени просвѣщенія Руси св. крещеніемъ, въ 988 году при св. князѣ Владимірѣ, утвердилось грековосточное исповѣданіе и обрядовое благочестіе, которыя и сохранялись неизмѣнно, во всѣхъ подробностяхъ, почти 7 столѣтій, что показываютъ новѣйшія изслѣдованія болѣе безпристрастныхъ историковъ и ученыхъ. На всемъ этомъ семивѣковомъ пространствѣ было всего лишь два болѣе ощутительныхъ несчастія въ русской церкви. Это ересь „жидовствующихъ“ и „стригольниковъ“, которыя, однако, не получили широкаго распространенія и вскорѣ утихли и исчезли. Не то было во всѣхъ прочихъ странахъ. Въ большей или меньшей мѣрѣ, но онѣ были повреждены въ своемъ православіи лжеученіями и заблужденіями, или добровольно, какъ римская церковь или насильственно, какъ греческія церкви, глагодаря гнету нечестивыхъ турокъ и проискамъ римской церкви. Профессоръ Н. О. Каптеревъ, излагая воззрѣнія древней русской церкви, говоритъ: „Старый Римъ палъ невѣріемъ аполлинаріевы ереси „греческое царство разорися и не созиждется, понеже они (греки) предаша православную греческую вѣру въ латынство“, „тамо бо вѣра православная испроказися махметовою прелестію отъ безбожныхъ турокъ“, „а по инымъ всѣмъ странамъ правая вѣра съ ересими смѣсися“: только въ русской землѣ... твердо хранять „истинную святую нашу вѣру ненарушимою“, только одна русская держава цвѣтетъ теперь „совершеннымъ благочестіемъ“ какъ свѣтъ солнечный. Вотъ на чемъ собственно основывается превосходство (русскихъ)... въ православномъ мірѣ,—только у однихъ русскихъ сохранилась теперь правая, ни въ чемъ неизмѣнная вѣра, изъ всѣхъ народовъ только у нихъ однихъ процвѣтаетъ истинное совершенное благочестіе. Пусть грекъ или кто-либо другой будетъ образованнѣе, развитіе русскаго, пусть преимущества образованія и развитія будутъ на его сторонѣ; но за то русскій твердо и право вѣритъ, хранитъ у себя истинное благочестіе, чего нельзя сказать и объ образованномъ грекѣ“ ¹⁾).

Такимъ образомъ, русскіе твердо держали знамя православія и поэтому не нуждались ни въ чьей посторонней помощи, всякая

¹⁾ „Характеръ отношеній Россіи къ правосл. востоку“, стр. 14—15.

реформа, а тѣмъ болѣе ломка ихъ благочестія были поэтому совершенно излишни и прямо безсмысленны. Тѣмъ болѣе было безсмысленно и опасно преклоняться предъ греками, къ которымъ было потеряно совершенно всякое довѣріе со времени флорентійскаго собора въ 1439 году, на которомъ они подписали унію съ папою. Русскіе съ тѣхъ поръ сильно остерегались ихъ, какъ потерявшихъ благочестіе и чистоту добрыхъ нравовъ, и не признавали уже греческаго авторитета въ дѣлахъ вѣры и церкви, такъ какъ въ греческой церкви царили настроеніе, непрерывные раздоры, смуты, беспорядки. Многіе изъ греческихъ іерарховъ совершенно облатинились, благодаря тому, что у грековъ не было своихъ школъ, такъ что невольно приходилось учиться въ латинскихъ школахъ и академіяхъ, куда принимали подъ условіемъ отреченія отъ греческой вѣры; не было своихъ и типографій, такъ что приходилось печатать греческія книги въ латинскихъ типографіяхъ, при чемъ, благодаря проискамъ папъ и ихъ праваго ока — іезуитовъ, была масса искаженій и злоупотребленій. Поэтому „русскіе,—говоритъ проф. Каптеревъ,—не только не хотѣли, какъ прежде, принимать митрополитовъ, присылаемыхъ изъ Константинополя, или посылать туда для посвѣщенія своихъ выборныхъ, но и внесли въ свою архіерейскую присягу обязательство вообще не принимать на Руси поставленнаго въ Константинополь. Русскіе теперь боялись, какъ бы ихъ бывшіе учителя и руководители, греки, не заразили и ихъ своимъ нечестіемъ“ ¹⁾).

Такъ какъ древняя русская церковь всегда непоколебимо содержала православную вѣру и преданное ей при крещеніи Руси благочестіе, всегда давая сильный отпоръ предложенія и ухищренія еретиковъ и неправомудствующихъ, то вполне естественно, что въ ней до Никона не было ни раздоровъ, ни ересей, ни лжеученій. Да и совершенно было невозможно и немыслимо, чтобы, принявъ отъ грековъ вѣру, преданія, благочестіе и весь церковно-богослужебный чинъ вполне сформировавшись, и въ то же время держась, какъ мы видимъ, строго-консервативнаго духа, она могла что-нибудь изъ принятаго ею исказить и измѣнить. А если такъ, если русская церковь и до Никона была вполне православна во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, то къ чему же понадобилось потрясать ея историческими судь-

¹⁾ Тамъ же стр. 7.

бами, къ чему была эта деспотическая и, можно сказать, самого мелочно-примитивнаго характера реформа, проведенная неосмотрительно, въ папскомъ духѣ непогрѣшимости, нетерпящая ни малѣйшаго замѣчанія и протеста, не допускающая надъ собою совершенно никакого контроля, требующая безусловнаго послушанія, а за противленіе награждающая чудовищными, неслыханными клятвами и „тѣлесными озлобленіями“, равносильными папской инквизиціи?!

Чтобы ближе видѣть, какъ зародился и въ чемъ собственно выразился папскій „непогрѣшимый“ духъ пастырей Никоновской эпохи, не допускающій надъ собою никакого контроля и протеста, подавляющій въ церкви Христовой свободу, необходимо выяснить, что за личность былъ Никонъ, своей реформой надѣлавшій столько бѣдъ и несчастій въ русской церкви, первый бросившій на чистое поле русскаго вѣковаго благочестія ядро и мечъ раздора? Какими качествами онъ отличался?

Первыя же его реформаторскія попытки—попытки уничтожить древніе св. обряды и подчинить русскую церковь авторитету чуждой ей новогреческой обрядности уже показали, что онъ и его клеветы пропитаны папскимъ духомъ „непогрѣшимости“, такъ какъ не могутъ терпѣть и даже слышать равнодушно никакихъ замѣчаній и протестовъ, никакого контроля надъ своими поступками, но требуютъ безусловнаго послушанія. Въ характерѣ Никона отсутствовали терпѣніе, кротость и христіанское смиреніе, а господствовали гордость, надменность, ненависть, злоба, свирѣпость, звѣрство,—это былъ деспотъ-самодуръ, шедшій, какъ говорится, „на проломъ“, ни передъ чѣмъ не останавливавшійся. По словамъ историка, „тотчасъ же послѣ своего восшествія на патріаршую кафедру Никонъ получилъ неограниченную власть. Всѣ испугались его и онъ... страшный тиранъ для архіереевъ, архимандритовъ и для всего священнаго чина и даже для людей сильныхъ, состоящихъ на царской службѣ. На него не имѣетъ вліянія никакое ходатайство, къмъ бы оно ни было ему принесено“ ¹⁾. Онъ даже пошелъ дальше папъ римскихъ,—присвоенную себѣ неограниченную власть онъ возвысилъ еще больше: захвативъ въ свои руки правленіе и церковное, и гражданское, достигнувъ апогея своей тираніи надъ церковью и государствомъ,

¹⁾ Исторія русск. церк. Макарія митр. томск., т. XII, стр. 242.

этотъ надменный узурпаторъ церковной свободы и правъ народа сталъ относиться ко всѣмъ надменно, надъ всѣми превозносился, всѣхъ презиралъ. По свидѣтельству историка М. Макарія, „надъ духовенствомъ Никонъ властвовалъ съ неограниченною волею и деспотически. Онъ держалъ себя высоко и мало доступно по отношенію не только къ низшему клиру, но и къ самимъ архіереямъ; не хотѣлъ называть ихъ братіями, особенно тѣхъ, которые отъ него получили рукоположеніе; не уважалъ ихъ сана... нарушалъ ихъ права... съ безпощадною строгостію и суровостію преслѣдовалъ всѣхъ, наполняя ими темницы. Всѣмъ страшились его, трепетали предъ нимъ“ ¹⁾. Онъ до того расширилъ свой проклятый гнетъ, до того возвысилъ свое „безбожное право“, за которое признаны еретиками римскіе папы, что даже иноземныхъ митрополитовъ признавалъ „только своими сынами, а не братьями“ ²⁾. Онъ поправилъ даже и свѣтскую власть и уже царской власти въ Россіи стало не слышно ³⁾. Въ присутствіи цѣлаго собора онъ открыто заявилъ: „Мнѣ и царская помощь не годна и не надобна, да такъ на нее и плюю и сморкаю“ ⁴⁾. Такъ не дѣлали кажется и римскіе папы, кромѣ развѣ Григорія VII, боровшіеся, въ своихъ усиленныхъ стараніяхъ основать всемірную теократію, съ императорами т. н. священной римской имперіи! Не даромъ близкій къ Никону священникъ Григорій однажды сказалъ ему: „Какая тебѣ честь, владыко святыи, что всякому ты страшенъ, и про тебя, грозя другъ другу, говорятъ: знаете ли, кто онъ, звѣрь ли лютый, левъ, или медвѣдь, или волкъ“ ⁵⁾. Нѣтъ ничего непонятнаго въ томъ, что, благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, Никонъ казался народу вторымъ папою, имѣющимъ такую же власть, какую имѣютъ папы въ католической церкви; и, дѣйствительно, онъ былъ папою, если не по имени, то во всякомъ случаѣ по своему характеру, власти и дѣйствіямъ. „Есть (даже) положительныя извѣстія, что онъ хотѣлъ носить званіе папы и что даже у него были готовы всѣ папскія регалии“ ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 305.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 310.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 307.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 215.

⁶⁾ Расколъ и его значен. Андреева, стр. 51, русскій расколъ старообр. Щапова, стр. 78.

„Онъ, напримѣръ,—какъ удостовѣрено на соборѣ 1667 года,—перемѣнилъ обычай прежнихъ московскихъ патріарховъ,—вмѣсто синихъ скрижалей, сталъ носить червленныя.. переоблачался во время божественнаго тайно-дѣйствія и, имѣя восемьдесятъ саккосовъ, за одной обѣдной перемѣнялъ ихъ до двадцати; чтобы казаться подобнымъ Вышнему, назвалъ нѣкоторыхъ отроковъ, прислуживавшихъ ему при богослуженіи, херувимами и серафимами“ ¹⁾.

Можно ли было отъ такого человѣка ожидать справедливости, безпристрастія, добросовѣстности и чего-либо добраго! Если онъ покушался даже уподобиться Всевышнему, то могъ ли онъ дорожить истиной, миромъ и благоденствіемъ церкви?! Могъ ли онъ допустить надъ своими дѣйствіями контроль и терпѣть малѣйшій протестъ противъ нихъ, могъ ли спокойно выслушивать правду?!

И такой-то человѣкъ, о которомъ соборъ 1667 года засвидѣтельствовалъ, что онъ все дѣлалъ изступя ума, слѣдовалъ не Спасителю, а сатанѣ ²⁾, былъ даже хуже сатаны ³⁾ взялся за переустройство и реформу русской церкви, бывшей и до него во всѣхъ подробностяхъ совершенно православной, иначе сказать, за ломку и коверканье святой древности, чтобы, преобразовавъ русскую церковь по образцу современной ему греческой, подчинить ее, самъ того не сознавая, чуждому, стороннему греколатинствующему авторитету. Хотя рекламой его безразсудной реформы и было возвращеніе нашей церковной обрядности къ первоначальной чистотѣ и древности,—какъ нѣкогда, положимъ и не очень еще давно, увѣряли и усиливались доказывать наемные апологеты русской государственной церкви, чего нынѣ, при новѣйшихъ открытіяхъ и ученыхъ историческихъ и археологическихъ изысканіяхъ, пролившихъ свѣтъ на истинное положеніе старообрядческаго вопроса, они уже избѣгаютъ,—но сущность этой реформы была злостною попыткою наложить на великую русскую церковь иго греческой обрядности, т.-е. обязательство рабски, безусловно подчиняться и слѣдовать грекамъ въ каждомъ измѣненіи ими церковныхъ обрядовъ. И нужно замѣтить, что это

¹⁾ Ист. руск. церк. М. Макарія, т. XII, стр. 688.

²⁾ Историч. изслѣдованіе дѣла Никона—Габбеяета, прилож. ко 2 части стр. 683 и 1051.

³⁾ Ист. руск. церк. М. Макарія, т. XII, стр. 736.

неслыханный отъ начала христіанства, единственный примѣръ въ исторіи, чтобы и свѣтская, и церковная власть рѣшились на такое постыдное дѣло, унижающее и церковь, и народность!

И вотъ всѣми такими дѣлами, своей неразумной, безтактной реформой Никонъ, какъ говорить его же одновѣрецъ и современникъ Паисій Лигаридъ, „мѣсто мира, бросилъ ножъ въ Христову церковь“ ¹⁾.

Всесильное и могучее страшилище, нравственный уродъ, деспотъ-самодуръ—Никонъ, къ несчастію, былъ окруженъ греками-латинистами и латиномудрствующими кіевскими учеными, которые, подчинивъ его своему вліянію, задумали сдѣлать его орудіемъ своихъ интригъ и продѣлокъ, воспользоваться имъ, какъ человѣкомъ недалекимъ, но огромной силы и вліянія, какъ машиной, которую можно заставить дѣйствовать, какъ угодно. Это имъ нужно было для того, чтобы, надѣлавъ въ русской церкви смутъ и безпорядковъ, удалить затѣмъ самого Никона отъ церковныхъ дѣлъ и правленія, явиться вершителями ея судебъ и подчинить ее навсегда своему вліянію, власти и авторитету. Но какъ все это привести въ исполненіе? Да лучше всего—провести Никона,—этого самодура,—увѣрить его, что русская церковь не можетъ ни минуты существовать безъ руководства грековъ, что-не успѣвъ еще вырваться изъ, подъ ихъ опеки, она уже обѣресилась, исказила, извратила весь церковный чинъ и обрядъ; затѣмъ льстиво внушить ему, что, какъ у выдающагося по своимъ способностямъ и качествамъ человѣка, у него хватить силъ, власти и умѣнья, чтобы немедленно же провести требующуюся церковную реформу. Они, конечно, видѣли и хорошо понимали, что Никонѣмъ русскіе недовольны, значить изъ-за реформы тѣмъ болѣе произойдетъ вражда и смуты. Вотъ тогда-то низринувъ этого самодура съ высоты его величія, явиться судьями надъ нимъ и русской церковью, явиться авторитетными вершителями ея судебъ, и такимъ образомъ навсегда поработить ее и заглушить въ ней навсегда всѣ мечты и стремленія къ религіозно-національной самостоятельности и свободѣ.

Эготъ хитро-задуманный планъ они, какъ увидимъ, и выполнили блестящимъ образомъ. И нужно замѣтить, что это по-

¹⁾ Богословскій вѣстн., октябрь 1892 г., отъ д. 2, стр. 55.

зорное дѣяніе ихъ не было просто случайнымъ единичнымъ примѣромъ въ исторіи; нѣтъ,—оно служить только однимъ изъ проявленій той исконной вражды грековъ къ славянамъ, ко всему славянскому, національному, которая издревле продолжается и донинѣ. Греки никогда не терпѣли и не терпятъ ни малѣйшаго проявленія самостоятельности славянъ, ни малѣйшей попытки освободиться отъ ихъ гнетущаго рабскаго руководства и опеки, но всегда стремились, заглушивъ въ славянахъ всякое проявленіе національнаго духа, неограниченно владычествовать, быть деспотами надъ ними въ ихъ религіозной духовной жизни. Примѣровъ этого какъ въ древности, такъ и теперь достаточно; крестивъ русскихъ, они нѣсколько столѣтій держали ихъ, какъ говорится, въ ежовыхъ рукавицахъ, держали ихъ въ темнотѣ и невѣжествѣ, не давали имъ митрополитовъ природныхъ русскихъ,—изъ всѣхъ бывшихъ на Руси митрополитовъ русскихъ было ничтожное количество,—не давали имъ потребное количество епископовъ, которыхъ въ періодъ нашей зависимости отъ грековъ у насъ никогда не бывало больше 5—6 на такомъ огромномъ пространствѣ; и все это, понятно, для того, чтобы не дать русскому народу, какъ можно дольше, развиться и освободиться отъ гнетущей кабалы и опеки. Такія же непохвальныя дѣйствія пускали они въ ходъ и у южныхъ славянъ, сербовъ и болгаръ,—о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ вся ихъ исторія,—также всегда старались заглушить, вырвать съ корнемъ всякій слѣдъ, всякое проявленіе національно-славянскаго духа. Эта многовѣковая борьба славянъ съ духовнымъ игомъ грековъ не ослабѣваетъ и теперь. Не есть ли современная греко-болгарская распря плодъ такого отношенія грековъ къ славянамъ, распря съ 1872 года, обратившаяся въ непримиримую схизму?! Не есть ли и распря насчетъ антиохійскаго патріархата, происходящая въ настоящее время, проявленіе исконной вражды грековъ ко всякому обнаруженію національных элементовъ, національнаго духа?!

Прежде чѣмъ смутить нашу великую церковь, греки устроили смуту въ 1650 году на Аѳонѣ въ сербскомъ Хиландарскомъ монастырѣ. Это было одно изъ наиболѣе характерныхъ проявленій вражды грековъ ко всему славянскому. „Греки,—скажемъ словами проф. Каптерева,—имѣли очень не высокое представленіе о русскомъ благочестіи. Кому,—говорили побывавшіе въ Москвѣ гречане Павлу алеппскому,—хочется сократить свою жизнь лѣтъ,

напримѣръ, на пять—на десять, тотъ пусть ѣдетъ въ страну московскую и хоть по виду сдѣлается человѣкомъ благочестивымъ, соблюдая постоянно постъ, молитву, дневныя чтенія, обычаи вставать на молитву въ полночь, и воздерживаясь при этомъ отъ всякаго проявленія радости и веселья и отъ громкаго смѣха и тихой улыбки, равно какъ и отъ употребленія табаку и опиума“. Ганскій митрополитъ Неофитъ, будучи въ Москвѣ въ 1628 году и насмотрѣвшись здѣсь на московское благочестіе, сдѣлалъ о немъ такой отзывъ: „только-де на Москвѣ и вѣры, что звонятъ въ колокола много, а иного нѣтъ ничего“. Въ письмахъ изъ Свіяжска къ своимъ друзьямъ въ Константинополь онъ пишетъ, что Богъ хочетъ избавить его „отъ сего грубовиднаго и варваровиднаго народа московскаго... Не суть сіи православніи христіане“. И сами русскіе подмѣчали иногда пренебрежительное отношеніе грековъ къ русскому благочестію. Клирошанинъ Чудова монастыря Пахомій въ 1650 году доносилъ государю, что русскія богослужебныя книги которыя царь посылаетъ въ разные аѳонскіе монастыри тамъ въ небреженіи бывають и въ передѣлкахъ текста, потому что въ нихъ находятъ (иноки-аѳонисты) еретическое ученіе о перстосложеніи, „а которое жъ твое цареву жалованье даны греческимъ старцамъ въ разные палестинскіе монастыри иконы, и тѣ, государь, иконы они, греческіе старцы, всѣ распродали и носятъ по торгамъ неподобно, будто простую дску,—тѣхъ иконъ они не почитаютъ и въ церквахъ ихъ у себя не ставятъ“. Составитель русскихъ святцевъ, изъ второй половины XVII вѣка, въ послѣсловіи замѣчаетъ между прочимъ: „Грецы гордящися и возносящися глаголють, яко Русь отъ нихъ начало пріять, и невѣріемъ омрачаются, мняще русское благочестіе ничтоже есть, и о святыхъ, угодившихъ Богу на Руси, усомнѣваются“.

„Греки и русскіе съ теченіемъ времени порознились между собою въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ. Русскіе объяснили себѣ это явленіе тѣмъ, что греки потеряли истинное благочестіе и принесли въ свою церковную жизнь разныя новшества, заимствованныя ими у латинянъ. Съ своей стороны греки смотрѣли на особенности русскаго церковнаго обряда, какъ на искаженіе истинно-православнаго обряда, какъ на отступленіе отъ него, допущенное русскими по невѣжеству... И не прочь были заклеить русскихъ за ихъ церковно-обрядовыя особенности именемъ если не еретиковъ, то раскольниковъ. Такое отношеніе грековъ

къ русскимъ церковнымъ особенностямъ было подмѣчено и иностранцами. Оларій говоритъ: „Русскіе во многихъ дѣлахъ какъ въ основныхъ положеніяхъ вѣры, такъ и въ церковныхъ обычаяхъ и обрядахъ своихъ, уклонились отъ грековъ, такъ что эти послѣдніе считаютъ ихъ за раскольниковъ, хотя и не смѣютъ высказать это по причинѣ значительныхъ приношеній, которыя ежегодно получаютъ отъ нихъ“ ¹⁾. Справедливость этого свидѣтельства Оларія... подтверждается фактомъ сожженія въ концѣ первой половины XVII вѣка русскихъ церковныхъ книгъ на Аѳонѣ, какъ еретическихъ. Это въ высшей степени характерное событіе произошло такимъ образомъ.

„Русь, благотворя всему православному востоку, между прочимъ посылала въ славянскіе восточные монастыри цѣлые круги богослужебныхъ книгъ московской печати. Эти посылки богослужебныхъ книгъ стали обычны собственно со времени патріарха Филарета Никитича, когда въ Москвѣ усилена была типографская дѣятельность. Получивъ въ Москвѣ богослужебныя книги, нѣкоторые славянскіе аѳонскіе монастыри стали отправлять по нимъ богослуженіе, при чемъ сейчасъ же обнаружилось, что между греческими и русскими церковными чинами и обрядами существуютъ нѣкоторыя несходства и разности. А такъ какъ на Аѳонѣ славянскіе монастыри находятся буквально рядомъ съ греческими, и каждый монастырь отлично знаетъ все, что творится въ другомъ сосѣднемъ, то всякая малѣйшая разность въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ выдавалась здѣсь особенно замѣтно и рѣзко и невольно обращала на себя вниманіе всѣхъ иноковъ, которые къ тому же всегда сильно дорожили своей репутаціей, какъ ревнителей и охранителей истиннаго православнаго благочестія. Тогда на Аѳонѣ немедленно, по поводу усмотрѣнныхъ разностей въ церковныхъ чинахъ греческихъ и русскихъ, возникли горячіе споры и препирательства: откуда произошла эта разность, кто отступилъ отъ древнихъ чиновъ и обрядовъ, кто правъ—русскіе или греки? Весь Аѳонъ раздѣлился на двѣ враждебныя партіи, отвѣтившія на поставленные вопросы прямо противоположно. На одной сторонѣ стояла тѣсно сплоченная, господствующая на всемъ Аѳонѣ греческая партія, на другой — сравнительно слабая партія иноковъ славянъ, состоявшая по преимуществу изъ сербовъ, у кото-

¹⁾ Чтен. въ общ. исторіи и древн. 1868 г. кн. 4, стр. 387.